

НО ПРЕЖДЕ, чем к Фанычу, — немножко об авторе и о чисто литературных сторонах дела. Я не хочу критиковать Валерия Попова там, где он «недотягивает», где у него авторские недоработки, где у него длинновато или держится на внешнем сцеплении эпизодов. Зная силу своего юмора, Попов слишком на него полагается. Иной раз действительные движущие силы кажутся от остроты к остроте. Попробуй поймай автора на небрежности, когда он человек с юмором: то ли оплошал он, то ли я, а он нарочно пошутил. «Провожая мою маму на пенсию, ей дали от института четырехкомнатную квартиру...» Начинаешь сообщать, где тут подделка и где вообще законы русской грамматики, но спохватываешься: че-ты-рех-ком-нат-ную?! Да ведь он смеется! Может, это стилизация имитация? Ленинградская традиция? Серьезность Зошенко и смех обериутов? Пародия, балансирующая на грани патетики? Поверхность текста, разведенная ядом иронии? Фантастика, всплывающая в бытовом интерьере? То ли, сбой художественной логики, то ли ловушка моему читательскому простодушию. Я чувствую сбой, но не хочу за это цепляться. Ибо интересны у Валерия Попова не сбой логики, а сама логика. Для спора интересна. И беспокойство мое, тревога, читательское мое раздражение относятся не к слабостям автора, а как раз к тем главам его повести и к тем его рассказам, подчас блестяще исполненным, где он силен и прекрасно осуществил себя как писатель. И фантастические кульбиты его прозы, всякие там караваны верблюдов, которые входят на закате в его комнату и, уменьшаясь, исчезают в углу, меня не смущают. И не обманывают. Мыслили он очень реально и очень четко. Глаз безжалостный. Ну, правда, зрение не объемно, то есть он не создает иллюзии «полного жизнеприсутствия», и вы не ощущаете его героев как «знакомых незнакомцев», не чувствуете их характеров в самодельности. Зрение тут слоистое, выхватывающее, стиль собран вокруг речевого образа рассказчика. Но проницательность дьявольская. По остроте зрения По-

пов — при всей прыгающей и фантастической фактуре его текстов — материал, что называется, реалист. Он сродни «московской школе» — тем нынешним писателям, которые провозгласили своим принципом социальное наблюдение. Наблюдает Валерий Попов трезво. Реальность видит без всякого тумана. Именно тут и интересно с ним взаимодействовать. То есть спорить.

Собственно, туман есть. Туман иллюзий, который с юности несли в своем романтическом сознании его герои, меч-

шем — автор» (а я бы по доброй поэтической традиции употребил такой надежный эвфемизм, как «лирический герой»), хочет одного: сбегать. От кого? Ну... от жены. Куда?! «Много... красивых, умных, элегантных, одиноких женщин в их кооперативных квартирах — с Хемингуэями и белыми кухонками, с кофеварками» (между прочим, точное наблюдение «из эпохи НТР»). Ну, сбежишь и что получишь? Башню из слоеной кости? Дудки! Как предвидит лирический герой, будет постоянное напря-

жение. И еще добавить. Правда, непредсказуемо. К брату в гости за тысячу километров поехал, да получил от него в глаз — выпили, подрались.

Да, это важное дело — гости. Социологи когда-нибудь с увлечением будут описывать этот нынешний вид духовного функционирования, и Попов подбросит им материал. Это же бич какой-то, сквозное кощее, стен нет, нет укрома — найдут, войдут, введут, вотрут. Старик, ну, я на тебя рассчитываю (это впервые

да полна «друзей»). За мусорными баками, что ли, они прятались, подстерегая, когда она уйдет? Стен нет! Нет ауры вокруг индивида — гулянье, кощее, какое-то всеобщее взаимодействие душ, вымывание душ. И эти томительно бессильные любовные треугольники, с попытками самоубийства, такими же безуспешными, как попытки что-либо решить. И эта нервическая бодрость вчерашнего «супермена», не знающего, что ему с собой делать, где на вечерок приткнуться и куда на лето детей деть. И он притывается, притирается, карабкается, ввинчивается в толпу, ищет знакомых, «своих» — одного приятеля **нагревает**, другого **раскалывает**, третьего **выставляет**, а те — его в свою очередь. А что такого? Что там в свертке у соседа по купе? Не угостит ли? Позвольте, старший научный сотрудник, да что же это вы без копеечки в кармане, вы что, не получили командировочных?.. Да знает... Москва! Миллионы соблазнов! ГУМ, ЦУМ... Вообще, бум.

Ну, если так, тогда понятно, почему с ядовитой самоиронией жалуетесь нам герои: «Жизнь удалась». Понятно, почему в его жизни такое смешение ценностей и мнимостей. Понятен и юмор его: «Тонваген и лихтваген стояли в лопухах». В лопухах, вообще гсворя, другое стоять должно, но что делать, такова се ля ви, не так ли?

А теперь пошли в гости к Фанычу... Нет, я не против того, чтобы к Фанычу в гости сходить. Я о том, с чем к нему идет наш герой. С чем он, современный интеллигент, идет в жизнь. **Какую миссию** на себя берет. Об этом и речь, об этом и тревога.

— Вот так, — подмигивает Фаныч. — У нас, дураков, все есть.

Хозяйка же с непонятной резкостью швыряет на стол закуску:

«— Жрите!.. А вы почему не жрете? — неожиданно обращается она ко мне.

— Я жру!»

Ах ты, мой краткий.. Приятного аппетита.

Л. АННИНСКИЙ

И главный герой прозы Попова, родившийся, по собственному признанию, «в бедной профессорской семье», — тоже простой человек. В том же смысле.

Человек этот, как все мы, проходит сквозь утомительный строй «житейских» мелочей, но вовсе не приходит от них в ужас. И вовсе не пасует он ни перед столиком занудой Фанычем, ни перед педантичной гостиничной дежурной, требующей, чтобы все на ее этаже спали «головой в одну сторону». Герой Попова разделен великодушным счастьем человека. И даже недобрые люди раскрываются перед ним с неожиданной стороны. Вот приемщица на телефоне, сбросив привычную маску грубости, вдруг почему-то заплакала, утираясь шалью. И что же герой? «Я быстро вошел к ней за барьер, погладил по голове». Эта гипербола, серьезно говоря, — экспериментальная модель, проба подлинно гармоничных отношений с людьми.

...Как определить место Попова на сегодняшней литературной карте? Фатальный анкетного возраста требует приписать его к шеренге «сорокалетних». Но подлинных оснований для этого я не вижу. Попову совершенно чужд разлад между «бытом» и «бытием», характерный для «сорокалетних», не свойственные их скованность и осторожность. Наконец, Попов решительно отличается от названной категории писателей предельно индивидуализированным стилем.

А сопоставить работу Попова с поисками других прозаиков, конечно, полезно. Так, ему, на мой взгляд, больше, чем кому-либо сегодня, удается сопряжение быта и фантастики (именно такого сопряжения не хватало ведь В. Орлову в «Альтеисте Даниловых»). Попов умеет реальному событию придать философско-фантастический оттенок. К примеру, смерть сценариста в рассказе «Астор!» — это не буквальный факт, а гиперболическое изображение «полной гибели всерьез», той светлой трагедии подлинного творчества.

И еще о том, какую же миссию исполняет лирическая проза Попова. Дарить радость. Помогать читателю «полюбить жизнь», как говорил Л. Толстой, «любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях».

Миссия для литературы не единственная, но незаменимая.

Владимир НОВИКОВ

В ГОСТИ К ФАНЫЧУ

татели и интеллектуалы. Очарованные намотанными на шею шарфах. Они слишком верили в веселое и разумное устройство жизни. И в то, что их творческие порывы так нужны человечеству. Страшно трезветь. Жизнь врывается в быт, запаривается в заботы, ежедневные, жалкие, бескрылые. Юность, семья, больница — вот и весь путь, язвистый рассказчик. Ну, еще творчество, но это если кому дико повезет. Но многим ли везет? Значит, приходится влезать в ляжку, впрягаться. Становиться «мушкетером», «кормильцем». Не хочи! — воет вчерашний мальчик, привыкший заниматься «интересным». Но надо. Надо устраивать дочь в хорошую школу, надо устраивать семью на лето, надо самому устраиваться в больницу, а мест нет, а потолки текут и стены трескаются, а в трамвае давка, а в кассу очередь... Хочется заорать: «Меня — нет!!» И закрыться в кабинете... Но и кабинета нет, надо идти, кого-то искать, просить, ругаться, лезть в толпу, толкаться и еще шутить бодро-весело, втайне ожидая, что тебя выпрут, дадут по шее, выкинут из списка, смажут мокрой тряпкой.

В таком непрерывном разочаровании герой Попова, или, как он сам формулирует, «человек, именуемый в дальнейшем

расчет, нервная выверенность каждой интонации при попытке выстроить себе «интеллектуальную карьеру» или хотя бы «интеллектуальный кружок». И бежит наш герой дальше «от балерины — к дворничихе», и заваливается в тепло, в сладкий алкогольный туман. А за туманом что? А за туманом храпит на кровати дворничихин муж, «в летаргическом сне, восьмой год уже». И хочется герою самому погрузиться в летаргию. Тем более, что дворник, уличив мгновение, украдкой от жены подмигивает ему...

Да кто ж это такой ушлый? А Фаныч... фигурально говоря. Острым чутьем чувствует Попов присутствие в этой жизни массы людей, живущих по совершенно другой логике. И преуспевающих! Там и сям в его рассказах возникают эти фантастические для его сознания люди. То это гардеробщик с осянкой Наполеона. То кларошник, перед которым лебезят научные сотрудники. То механик в автомастерской. Одним словом — Фаныч. То ли Фаныч работает, то ли гуляет, не отличить, но он не унывает. И это к нему всегда стоит длинная покорная очередь. Фаныч не спешит, он — хозяин положения. Захочет — не даст, впрочем, вполне мо-

увидя)... Я у жены вашей, помните, тазик брала, так нельзя ли еще и сковородку взять?.. Здравствуйте! А мы к вам пожить! Ненадолго, на неделю. Не прогоните? Ну, так принимайте гостей! **Караваны верблюдов** идут сквозь комнату бедного интеллигента, а как остановиться? Нельзя, обидится! Алла-блондинца «из винного отдела» — та ведь за словом в карман не полезет. Дай ему рубль, чтобы не воял! И Фаныч даст! Он, Фаныч... как бы это получить выразить... ну, словами самого автора, в его забористой «обериутской» манере — это же «редкого ума идюта».

И что же наши интеллектуалы, наши очарованные, наши мечтатели? Легонькие, несчастные, ироничные — как их потоком несет! Как они барахтаются, как тухнут — не пропасть в этой совершенно ирреальной для них реальности! Фаныча переплюнуть... Но Фаныч — человек здоровый, крепкий, ум, что! А вот когда по законам Фаныча начинают суетиться вчерашние мечтатели и интеллектуалы, меня охватывает тоска. Однажды у интеллектуала жена отправилась в командировку да пять минут спустя вернулась за какой-то забытой вещью. Так квартира вся бы-

ДВА МНЕНИЯ О КНИГЕ

лялось бы — на обложку книги главный тезис вынесен с утвердительной интонацией. И каждый из нас, читателей, тоже ставится перед выбором, проходить испытание. И любопытная вещь обнаруживается: проще и удобнее считать, что жизнь не удалась. С несчастного и спрос невелик, к нему и претензий меньше. А выбрав ответ «жизнь удалась», мы берем на себя повышенные обязательства, и не только перед собой. Так счастье — это ответственность.

ВАЛЕРИЯ ПОПОВА «ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ»

«Самостояние человека» остается и в нашем веке абсолютным ориентиром. Каждому дано добровольно выбирать действие или бездействие, но при этом правил только один вариант. Вечные истины переводятся Поповым на небрежный язык будней:

«— Оптимизм твой меня просто бесит! Сам посуди, ну как тут можно развернуться, если столько ограничений! на все наши проекты: денег экономия — раз, площади экономия — два...

можно представить некомическим, а ведь тема серьезнее, некуда — изначально соответствие натур, то, что во времена Гете называли кизибирательным сродством». В общем, смех у Попова не бытовой, работающий только в контексте, привлеченный к решению самых важных вопросов. Это «юмор творения», пользующийся формулой Иннокентия Аннинского.

Проза Попова интересна своим творческим преобразованием, а не отражающим началом. Можно, конечно, обойти можно представить некомическим, а ведь тема серьезнее, некуда — изначально соответствие натур, то, что во времена Гете называли кизибирательным сродством». В общем, смех у Попова не бытовой, работающий только в контексте, привлеченный к решению самых важных вопросов. Это «юмор творения», пользующийся формулой Иннокентия Аннинского.

И прежде всего нестандартность картины жизни у Попова связана с особым устройством лирического героя всех его повестей и рассказов. Этот герой как бы не имеет резко очерченных границ. Кто он по профессии? То архитектор, то администратор. То в нем чувствуется стопроцентная близость к автору, то изрядная дистанционность. Переливши, игра контрастных граней. «Я» в прозе Попова означает не статическое единство, а подвижную, динамическую целостность. И здесь видится мне важный нравственный смысл. Лирический герой Попова постоянно открыт миру, всегда открыт для других людей. Нет для него границ и барьеров. И совсем не упивается он сознанием своей интеллигентности, не чувствует особенной дисконтности по отношению к «простым» людям. Кстати, игра в кастовость то и дело становится у Попова предметом осмеяния: «Дзыня этот, из простой, кажется, семьи?» — «Да, он из простой семьи, но отец его известный дирижер». — «Да? Значит, я перепутал. Это мать его, кажется, совсем простая?» — «Да, она простая, но она известная балерина»

ИСПЫТАНИЕ СЧАСТЬЕМ

Попов рискует говорить, когда надо, с однозначной категорической ясностью: «...такие, мол, нынче обстоятельства, что лучше и пытаться не надо ничего сделать. Слышал я разговоры эти миллион раз! Будто раньше когда-то обстоятельства другие были. Ерунда! При любых обстоятельствах, самых крутых, пытаться надо делать что-нибудь, а от трудов твоих и обстоятельства, глядишь, к лучшему переменятся!» Воля к счастью, к упоению полнотой жизни неизбежно сопряжена с творческой активностью. «— Жизнь сложна», — иронически цитирует Попов многочисленных и массовидных гамлетов. Да, сложна, но есть и простые, незбылемые вещи.

— Мыслей экономия — три! — говорю ему. — Все вы радуетесь этим ограничениям — без них бы собственное убожество наружу вылезло, а так на ограничения все свалить можно.

Дело каждой индивидуальной совести решить: что тебе больше мешает — внешние ограничения или внутреннее убожество. Юмор помогает воспитывать читателя, не обижая и не унижая его. Важно только понимать, чувствовать, что веселость и легкость вовсе не исключают серьезности, более того — на эту серьезность из всех сил работают. Если же юмор выносится за скобки, то никакого «взаимодействия» не получится. Надо идти в глубину смеха, в его нешуточное измерение.

Заходит, скажем, речь о соперничестве. Два молодых архитектора готовятся к конкурсу и все опасаются, что их обойдет некий Бескаравайный, который «растет на глазах». Но выясняется: конкурент «рос только на глазах, причем только на наших». Ведь это, в сущности, юмористическая модель зависти как таковой — чувства, всегда основанного на заблуждении. Или такая ситуация. Уходит герой из гостей, забыв свою куртку. Возвращается и слышит с лестницы, как радужные хозяйка бросаются на куртку эту со словами: «Давай мни!» Вроде бы абсурд, и в буквальном смысле такого не случается. Но разве мало любителей злословить вдогонку ушедшему? Так вот это занятие и предстает абсурдным, нелепым. Злословить — все равно что мать чью-то куртку. В деле такого нравственного просвещения смех незаменим, поскольку проповеди все приелись, а юмор — это всегда новизна, свежесть.

А еще юмор — это свобода, раскованность, непоказная доброта. И этический такт. Рассказ «Наконец-то!» — о том, как мучительно долго ищут друг друга двое в толпе карнавално-потешных женихов и невест, как приходят они к преддверной судьбой встрече. И рассказ этот просто невоз-

ТЕМА прозы Валерия Попова — счастье. Не только как конкретное жизненное явление, но прежде всего как угол зрения на окружающее, как способ построения мира.

Сама категория счастья ныне как-то выпала из обихода престижных добродетелей, перестала быть ориентиром поисков, мерилом истины. Приято думать, что надлежит стремиться к целям более высоким, а счастье никуда не уйдет.

Но в том-то и дело, что уйдет, и уйдет вместе с ним другие важные ценности. Прочтите маленькую новеллу «Ошибка, которая нас погубит» и примерьте ее гротескно-символический сюжет к себе, к своей биографии. Здесь, как в сказочном сне, встречается герой внезапное счастье — с реальными, впрочем, приметами: в один миг в кафе рядом с ним оказываются «самая прекрасная девушка» и страстный поклонник его творчества. Редкая удача! А герой вдруг «во власти приступа идиотизма» бросает своих драгоценных спутников и бежит. И попадает в итоге в мрачный подвал, где мрачные люди приглашают его «забить» партию в «козла»... Кто за собой хотя бы одну такую ошибку вспомнил — тот понял авторскую мысль, кто не вспомнил — должен еще раз критически перечитать сюжет своей жизни.

Что такое название этой книги? Анкета. Жизнь удалась. Жизнь не удалась. Ненужное зачеркнуть. Сколько бы сомнений у автора ни возникало, сколько мучительно-сложных смысловых оттенков ни добав-

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА КРИТИКИ «ЛГ»

Художественные поиски ленинградца Валерия Попова вызывают разноречивые оценки критики. Думается, что достижения и просчеты этого самобытного писателя в равной мере поучительны для опыта современной прозы. Л. Аннинский справедливо замечает, что повестям и рассказам Попова порой недостает глубины смысла, отчетливости идейных акцентов, что автор часто увлекается изображением внешних сторон жизни. Но нельзя и не оценить вместе с Вл. Новиковым оптимистический пафос прозы В. Попова, стремление писателя вывести своего героя на путь активной жизненной позиции. Творчество Валерия Попова еще только начинает приобретать известность. Приглашаем наших читателей оценить работу этого своеобразного писателя.